

АНАТОЛИЙ ГРЕШНЕВИКОВ

депутат Госдумы РФ

ТАЙНА ЛЕТОПИСИ РАЗГРАБЛЕННОГО ХРАМА

Обычно летописи не ищут – они неожиданным божественным провидением попадают в руки к неслучайным людям. Тайный советник и кавалер, граф Алексей Мусин-Пушкин, к примеру, приобрёл в Спасо-Преображенском монастыре в г. Ярославле у архимандрита Иоилия Быковского старинные рукописи книги для своей личной библиотеки. В одной из этих книг было обнаружено знаменитое “Слово о полку Игореве...”, бессмертный памятник отечественной литературы. Во время археологических раскопок в Новгороде учёные под руководством академика Валентина Янина искали предметы бытового и семейного уклада жизни древних славян, а в их руки 26 июля 1951 года попала первая берестяная грамота, которая совершила переворот в научном мире.

Уже несколько веков не даёт археологам покоя пропавшая библиотека Ивана Грозного. Она и по сей день побуждает любителей древнерусской культуры пускаться в изучение подземной Москвы, проводить обследования на Боровицком холме, в Александровской слободе и в Коломенском, там, где часто сиживал Иван Грозный и любовался панорамой Москвы. Однако все поиски оборачиваются неудачей. И дело не в том, что ищут не те и не там, а в том, что старинные летописи, скрижали и книги сами открываются людям и, видимо, не всем, а тем, кто может оценить их значение.

Когда год назад ко мне случайно попала летопись, состоящая из пяти длинных пожелтевших листов, исписанных красивым ровным почерком, то я задумался – по какой такой необходимости она вышла на меня, а не осталась у тех, кто её открыл. И чем чаще в мою голову залетали вопросы, какая, мол, польза от меня, не имеющего статуса учёного, тем больше я мучился над их отгадкой. Действительно, летопись, притягивающая древностью, побывала в руках и военного человека, и учителя, и историка, и чиновника, а причалила и задержалась у меня?!

Может, это никакая не летопись, а обычная тетрадь или дневниковая записка, выполненная священником, пожелавшим изложить мысли на бумаге. А возможно, эти листки, хоть и являются вестью из далёкого прошлого, не имеют ни исторического, ни художественного достоинства.

Измученный разными сомнениями, я начинал перечитывать записи неизвестного священника, который дал им определённое название – “Летопись, заведённая священно-церковнослужителями церкви погоста Никольского, что на Ворсме, Угличского уезда, в 1884 году”. И заглавие, и первые предложения сразу успокаивали – передо мной значительный труд, достойный и внимания, и изучения. Пусть он наполнен свидетельствами жизни одного храма

в далёкой лесной глуши, но его ценность как раз в конкретных деталях, в воссоздании особенностей мировоззрения наших предков, а точнее, моих земляков. В летописи описаны сохранившиеся с давних времён религиозные обряды, обосновано стремление священника возвести новую церковь с привлечением крестьян-прихожан.

Работая в юности журналистом местной газеты, я объехал все церкви, расположенные на территории района, осмотрел их, сфотографировал. Чтение летописи вернуло меня в то время и заставило вспомнить описанный священником храм на небольшой речке Ворсме. Он находился в аварийном состоянии, в той заброшенности и пустоте не могли сохраниться ни иконы, ни книги, ни тем более летопись. Значит, этот исторический документ, открытый недавно жителем деревни Ременники, офицером в отставке Валерием Николаевичем Лапиным, не был найден им в храме, а достался ему неведомым способом, и уже это вызывало во мне жгучий интерес.

Отсутствие времени не позволило сразу пуститься на поиски героя. Но летопись, лежащая на столе в кабинете, постоянно разжигала в душе чувство стыда. Раз весточка из прошлого нашла меня, значит, я не имею права оставаться равнодушным к ней, не узнать хотя бы её судьбу. Любопытной была и фигура самого Лапина, сохранившего летопись и давшего ей вторую жизнь. Уж слишком много бездушная система образования, лишив себя воспитательных функций, породила иванов, не помнящих родства, — они не знают не только историю малой родины, но и собственного рода.

Через год случилась оказия: из тех краёв, где живёт Лапин, пришла другая весточка — меня в гости ждёт известный пенсионер, житель села Высоково Игорь Аркадьевич Толстоухов, в недалёком прошлом занимавший высокий пост первого секретаря обкома КПСС. Мы были хорошо знакомы. В последние годы перестройки, когда партия коммунистов решила провести в стране областные и всероссийские выборы в законодательные органы власти, я был избран земляками депутатом областного Совета народных депутатов, а также народным депутатом РСФСР от шести районов области. Так как выборы проходили в родном районе сразу в трёх округах, к тому же на альтернативной основе, то, кроме меня, в соседних округах избрали слугами народа Игоря Толстоухова и председателя колхоза “Новый путь” Михаила Ковалова. Я выиграл выборы в посёлке Борисоглебский у председателя райисполкома Владимира Кошониного, а Толстоухов — у Александра Масленникова, учителя Краснооктябрьской школы. Наша команда, состоящая в общественной организации “Родники России”, которую я возглавлял, выдвинула и поддержала в избирательной кампании кандидатуру учителя, потому главный коммунист области выиграл с трудом. Однако, работая в областном парламенте, мы редко вступали в споры и разногласия, чаще находили общее понимание тех проблем района, которые легче решались сообща, чем в раздразе и междоусобице. После расстрела Верховного Совета России и роспуска всех советов на местах Толстоухов ушёл работать на железную дорогу. Виделись мы редко, но, когда встречались, то обсуждали в основном борисоглебские новости, ведь он был земляком — жил и учился в селе Высоково.

Спустя тридцать лет после заседаний в областном Совете мы вдруг встретились в Ярославле на выставке художника-анималиста Олега Отрошко. Толстоухов не преминул за беседой пригласить меня в гости на малую родину. Я с удовольствием принял приглашение. И летом, как мы договаривались, в период августовского отпуска, он позвонил и сказал, что ждёт меня в родном селе.

Собравшись в дорогу, я решил в этот день заехать и в деревню Ременники к Валерию Лапину, благо, по пути, да и давно собирался, откладывать встречу на потом было уже совестно. Исходя из того, что село Высоково, где ждал меня Толстоухов, располагалось первым на маршруте, то и решено было вначале остановиться там.

Беспокоило меня только одно: с Лапиным хоть и была договорённость о встрече, но он не знал, когда точно я приеду, а телефон в день выезда у него молчал. Правда, жители деревни сказали мне, что видели его живым и здоровым. Пришлось рассчитывать на удачу и везение.

Бревенчатый, красиво срубленный дом Толстоухова стоял на сельской улице, будто гриб-крепыш. Из окон был виден некогда высокий кирпичный храм с колокольней, а ныне порушенный, обезглавленный, в окружении

разросшихся деревьев и кустарников. Хозяин встретил меня у калитки. Ничего в облике Игоря Аркадьевича от видного руководителя прошлых времён не осталось. Передо мной стоял обычный русский мужик в тёмно-синей клетчатой рубашке с закатанными рукавами, седоволосый, с добродушным лицом и светлой улыбкой.

Мы поздоровались, обнялись, перекинулись короткими новостями.

— У нас повсюду церкви давно возрождают и реставрируют, — осторожно заметил я. — Будет ли у вас она восстановлена?

— Будет, — спокойно ответил Игорь Аркадьевич. — Там жители уже субботник провели, мусор убрали.

— Правильно.

— Я поддерживаю такие начинания. Хоть и с запозданием, но крестился, считаю себя православным. . .

Неожиданное признание бывшего первого коммуниста области не обескуражило меня. Среди моих друзей-коммунистов многие давно вернулись к вере предков. А недавно на выставке в Государственной Думе, посвящённой юбилею председателя КПРФ, сам юбиляр Геннадий Зюганов, прежде чем провести мне экскурсию, предложил: “Пойдём, я, как православный русский человек, покажу тебе дорогие для меня книги и скульптуру писателя Валентины Распутина. . .” И, действительно, на выставке были достойно представлены книги, фотоснимки, небольшой бюст Валентина Распутина, а также труды другого классика современной русской литературы, поборника Православия Василия Белова. Оба писателя были моими учителями и друзьями. Зюганов знал об этом, потому порадовал своим рассказом. Но я был искренне рад и тому, что лидер коммунистов назвал себя православным человеком.

Вот и сегодня старый коммунист Толстоухов приблизил меня к себе тем искренним признанием, что принял святое крещение, а значит, связал воедино и накрепко свою жизнь с верой своих предков и с исторической судьбой своего Отечества.

Не менее этого рассказа меня удивило внутреннее убранство и атмосфера сельского дома Игоря Аркадьевича, и уж тем более порадовала его жена и хозяйка семейного очага Нина Леонидовна. Она сразу расположила к себе спокойным характером, мудростью, образованностью, хозяйственным подходом к домоводству. У неё были добрые, притягивающие глаза.

Есть у меня среди многих разных хороших и плохих черт характера одна примечательная — люблю изучать и рассматривать интерьеры домов, как крестьянских, дореволюционных и современных, так и помещичьих, усадебных, а особо кабинеты писателей, деятелей культуры. В них отражены все пристрастия, интересы, характер хозяев. Если я захожу в усадебные дома-музеи писателя Льва Толстого, или драматурга Островского, или художника Поленова, то не замечаю ни времени, ни друзей, ни сторонних посетителей, меня целиком забирают к себе стеллажи с книгами, картины, скульптура, мебель. От острых глаз не уходит ни одна деталь домашнего убранства. Меня не оторвать от книг до тех пор, пока не побегу глазами корешки изданий, вникая в то, что любил читать и собирать хозяин. В крестьянских избах-хоромах, избежавших революционного пожара и разорения, меня брали в плен и намоленные образы святых на чёрных досках, и прялки с изящной скобчатой резьбой, вышитые полотенца, посудные шкафы и сундуки. С какой бы скоростью научно-технический прогресс ни завоевывал души сельских мастеров, не повторить то, что сделали их деды и прадеды, редко получается. Современники не могут творить так, как их предки, которые достигали бесподобной художественной выразительности, проявляя при этом высочайшее чувство цвета, композиции, ритма, гармонии.

В просторном деревенском доме Игоря Аркадьевича, конечно, не было узорчатых прялок, но всё-таки отзвуки старины в нём жили, а заметил я их в облицованной белоснежной плиткой печи-лежанке, в часах с кукушкой, в чистой горнице и широких половицах. Почувствовав мой интерес к старине, хозяин провёл меня с экскурсией не только по дому, но и по его хозяйственной части. Моему любопытству не было предела — я с дотошностью плотника осмотрел притолоку, лестницу, сени, чулан, светёлку, двор. Не смотря на то, что всё пространство дома завоевала современная мебель, ощущение духа старых плотников в нём жило. И, видимо, этот дух сохранялся хозяином и постепенно овладел им. По крайней мере, Игорь Аркадьевич

охотно и без всякой рисовки и стеснения рассказывал мне о былой жизни и предназначении сений и чулана. И в какой-то момент мне хотелось назвать его зажиточным крестьянином, но я остановился, вовремя вспомнив про его идеологическое прошлое. Но, заражённый некогда духом русского крестьянина, — а приобрести его он мог, живя на земле и в деревянной избе с печью, — он не стал останавливаться в своём желании показать всю усадьбу и вывел меня на улицу.

Моему взору открылись чудной пропильной резьбы наличники, крепкая дощатая дверь в подвал, большие двухстворчатые ворота во двор, расписанные разноцветным орнаментом в виде солнца. Ни одна дощечка у крыльца или у ворот не подгнила, не сошла со своего места, что означало — за домом следил настоящий хозяин.

Только я собрался поинтриговать и задать провокационный вопрос, — а кто, следит за убранством дома, ведь он требует постоянного ремонта, кто сохраняет образную память старых мастеров в этих наличниках? — как Игорь Аркадьевич сам на опережение сказал:

— Мне доставляет удовольствие поработать и топором, и пилой. А вот за садом и огородом ухаживает жена.

Мы пошли осматривать аккуратные грядки, теплицу, клумбы с цветами, пышно растущие плодовые кустарники. Прогулка затянулась надолго. В саду, как и дома, чувствовалась заботливая рука хозяйки. Свидетельством тому являлись и чистота вокруг яблонь и вишен, и отсутствие сорняков на грядках. Я сам с детства был заядлым садоводом и огородником, потому знал, что достичь подобного порядка можно лишь усердным трудом и любовью к земле. Безусловно, в семье Толстоуховых жила привязанность к деревенскому образу жизни. И это был не тот случай, когда горожанам нужны дачи, отдых в деревенских условиях... Земля притягивает многих, но в первую очередь и накрепко тех, кто её любит.

Вскоре Нина Леонидовна позвала нас трапезничать.

Прежде чем сесть за стол, я подарил Игорю Аркадьевичу свои новые книги, а также альбом “Борисоглебский монастырь в живописи”, который я помог издать бывшей сотруднице местного музея Ольге Стекольниковой. Сейчас она работает в Москве в институте русского реалистического искусства. Долгие годы разные художники приезжали в наш Борисоглебск и писали древний монастырь с его тайнами и красотами, но лишь Ольге удалось собрать их великолепные произведения живописи под одной обложкой.

Мы выпили коньяку, закусили. Хозяйка побаловала нас фаршированными голубцами.

Беседа вначале шла о трагической судьбе русской деревни.

— Долгие годы, Игорь Аркадьевич, я ищу ответ на вопрос, почему коммунисты с такой жестокостью и неблагодарностью относились к собственному крестьянскому сословию, — задиристо сказал я. — Паспорта не выдавали, яблони заставляли вырубать, а то вдруг объявили деревни неперспективными!

— Потом всё же приняли программу подъёма Нечерноземья, чтобы исправить положение дел в деревне, — включился в разговор Игорь Аркадьевич. — Исправили волонтеристские методы управления, просчёты в планировании, в политике цен.

— Да, я помню эту программу. Она, действительно, оживила строительство в деревне. Но, увы, не уменьшила отток населения, вернее, бегство от земли. Труд крестьянина как не ценился, так и продолжал обесцениваться. Да и сам крестьянин перестал быть крестьянином, он стал подёнщиком, как писал мой наставник, писатель, лауреат Ленинской премии Иван Васильев, наёмным работником. Вы эту разницу улавливаете. Я вот посмотрел ваше хозяйство, дом, сад и вижу, что в вас жива крестьянская жилка, значит, вы понимаете значение деревни. Зачем нужно было рушить крестьянский уклад жизни?! Зачем директивами глушить хозяйские порывы, нивелировать всех под одну гребёнку? Конечно, это началось сразу после революции, обещали крестьянам землю без выкупа, а уничтожили сразу множество так называемых зажиточных кулацких хозяйств! Но колхозы уже при вас, когда вы были первым секретарём обкома партии, стали изживать себя. Почему? Да потому, что омертвели крестьянские корни, убито было чувство хозяина. А гигантомания рушила саму систему хозяйствования на селе. Разве можно было строить

в нашем районе в Верзино громадный овцекомплекс, в котором овец поселили на бетонные полы, и они стали массово болеть идохнуть?!

— Это была ошибка.

— И сколько таких непоправимых ошибок, волевых кампаний в отношении деревни было?!

— Много. Согласен. Партия поздно взялась за их исправление. На крестьянина легли все тяготы гигантомании в производстве, неоднократные укрупнения и разукрупнения хозяйств, запреты сельских подворий. С овцекомплексом в Верзино мы разбирались... Такой громадный объект, да ещё и построенный в низине, не нужно было там возводить. Виноват был Колпаков. Романовской овце вообще нужна была травка, а не сено и силос.

Много времени ушло у нас на обсуждение неразрывной связи русского человека с землёй и природой, о путях развития сельского хозяйства, о возможных реформах по духовно-нравственному возрождению остатков крестьянства. Не смогла советская власть решить продовольственный вопрос. И раньше, до разговора с Толстоуховым, мне казалось, что партийные лидеры тех времён не понимали причин этой катастрофы. Заливая деревню деньгами, запланированными по программе возрождения Нечерноземья, они стремились отстроить фермы, клубы, зернохранилища, медпункты, и не ведали, что земля нуждалась прежде всего в хозяине. Нужно было вначале сохранить самого крестьянина, его самобытный жизненный уклад, философию, культуру и традиции, а затем строить фермы и клубы. Но опять же строить семейные фермы, а не гигантские овцекомплексы и агрофермы.

Беседуя с Толстоуховым, я отдавал себе отчёт, что ему были ведомы эти беды и просчёты. Он уже тогда понимал, что курс на раскрестьянивание привёл к трагическому состоянию деревни. И у него было своё видение возрождения деревни, то представление и та мировоззренческая позиция, о которых мы только что вместе говорили, — возрождение деревни следовало начинать с возвращения крестьянина на землю как свободного, самостоятельного и творческого работника. На мой вопрос, почему же в этом направлении почти ничего не было сделано, он признался, что доклады шли наверх, то есть в кремлёвские кабинеты, но там они и застревали без движения.

Точно такой же ответ он дал и на мой вопрос, как коммунисты допустили к власти предателей-управителей Горбачёва и Ельцина и не догадались на съезде убрать их, ведь сам Толстоухов был в то время не только первым секретарём обкома КПСС, но и народным депутатом СССР. Оказывается, коммунисты на местах поздно спохватились, а когда поняли, к какому развалу страны ведут их лидеры с прозападной ориентацией, то не смогли побороть ни “пятую колонну”, ни либерально настроенную верхушку партии в кремлёвских кабинетах. Мне пришлось согласиться с таким выводом Толстоухова, так как я был тогда народным депутатом РСФСР, а затем и членом Верховного Совета РФ, и на моих глазах происходило перерождение и предательство верхушки компартии.

И тут наш разговор от темы русской деревни постепенно перешёл на политику... Нас объединил единый осуждающий взгляд на расстрел российского парламента, грабительскую приватизацию, широкий масштаб коррупции, гибельный экономический курс, взятый либеральным правительством. Громадный опыт партийной и хозяйственной работы, как говорится, не прошёл даром. Мне интересно было услышать иную точку зрения на многие процессы, происходящие не только в экономике, но и в сельском хозяйстве, социальной сфере, экологии и культуре. Толстоухов поражал эрудицией, точным анализом, умением за мелкими фактами видеть главное и событийное... Один из его вопросов поставил меня в тупик. Я хоть и ответил, но вряд ли этот ответ был совершенно правильным и точным. Мне самому хотелось знать, почему Президент страны Владимир Путин не удалит из власти прозападных политиков, чьи интересы, деньги и семьи давно находятся за границей, и почему он не уберёт олигархов от государственной кормушки? По мнению сведущих экспертов, Путин боится прихода к власти оппозиции, той патриотической и национально ориентированной элиты, которая выиграет в честной борьбе выборы, а значит, отменит итоги незаконной приватизации, разорившей страну, и тогда вся его команда окажется у разбитого корыта. Той же версии придерживался и я.

Толстоухов вспомнил за столом свои детские годы, проведённые в селе Высоково, юность, жизнь в Ярославле, трудовую и партийную биографию. Рассказ его был живым, интересным.

Родом Игорь Аркадьевич был из города Великие Луки. А в село Высоково Борисоглебского района его привезли в 1941 году, когда семья эвакуировалась из блокадного Ленинграда. Отец погиб на фронте под Сталинградом. Мать работала учительницей.

От политики он был далёк. После окончания Московского института инженеров железнодорожного транспорта по распределению был направлен на станцию Ярославль-Главный. Трудился дежурным по парку, маневровым диспетчером.

— Каким же образом Вы очутились на партийной работе? — спросил я, пытаюсь понять, откуда появлялись первые секретари обкомов партии.

— Всё просто, — улыбнулся он. — В школе я был секретарём комсомольской организации, в институте — секретарём комсомольского бюро курса. Этот опыт и сыграл решающую роль в дальнейшей судьбе. Когда работал в Ярославле, меня избрали вначале вторым, а затем первым секретарём Кировского райкома ВЛКСМ. С сентября по июль 1972 года я был уже первым секретарём Ярославского обкома ВЛКСМ.

— На комсомольской работе можно было и остановиться. Так, по крайней мере, многие молодые люди и поступали. Но Вы пошли дальше... Чем же руководствовались, когда быстро и активно поднимались по партийной линии?! Может, кто-то помогал?

— Мне нравилось работать с людьми. Карьера строилась сама по себе. Я тогда об этом и не думал. Постепенно накопился большой опыт общественной работы...

— Открылись организаторские способности, — добавил, как бы шутя, я.

— А как же без них?! — отпарировал Игорь Аркадьевич. — В партию я вступил ещё находясь на комсомольской работе. И движение по партийной лестнице шло не из карьерных соображений, и даже не по хотению и желанию, а скорее, по стечению обстоятельств. Прежде чем стать секретарём обкома КПСС, я руководил Ленинской районной, а потом Ярославской городской партийной организацией. Поработал год вторым секретарём областного комитета партии и дальше уже был выбран первым. Причём в самое трудное время — гремела перестройка.

— Она и смела все райкомы и обкомы партии. Интересно, а с какой программой вы шли на выборы в народные депутаты СССР?

— Возрождение ярославской деревни. Газификация. Дороги. Жильё. Развитие передовых форм организации и оплаты труда.

— А у меня была почти та же программа, когда я шёл кандидатом в народные депутаты РСФСР. Только было существенное добавление. Вы не поверите, Игорь Аркадьевич, я был беспартийным, а выдвигал идею создания в России собственной самостоятельной компартии, своего министерства русской культуры... Меня возмущал тот факт, что по всему Советскому Союзу были компартии Грузии, Литвы, Украины, а вот компартия России отсутствовала. Я помнил, чем закончилась попытка создания Кузнецовым русской партии коммунистов в Ленинграде — все активисты были расстреляны. Русофобия охватила ключевые посты в органах власти. Но я всё-таки включил в программу то, что считал архиважным, — русский народ имел право на свои министерства и свою партию.

Дальнейший наш разговор вновь коснулся прошлого и настоящего русской деревни. Я вспомнил, как в юные журналистские годы любил приезжать сюда, в село Высоково, где по рассказам старожилов собирал историю сохранившейся усадьбы помещика Мезенцева, как бродил по окрестным деревням Хмельники, Ново, Русиново, Яшкурово. В деревне Ново порой задерживался на пару дней, так как пенсионерка Валентина Викторовна Попова проводила там творческие посиделки с гармошкой, песнями и плясками. А другой житель, ветеран труда Василий Александрович Смирнов водил меня в заброшенный погост Никола-Ворсма, где показывал открытый всем ветрам и дождям уникальный храм с ещё хорошо сохранившимися фресками. Потом в деревне Труфанцево, стоящей рядом с Высоковым, богомольная старушка Кукуева подарила мне небольшую икону Николы-Чудотворца на потемневшей дощечке из этой всеми забытой церкви. А теперь мне с тех мест пришла новая весть в виде старой летописи.

С трудом пробираясь через колхозные поля и перелески, заезжал я тогда в деревню Цепелёво. Там долгие годы жил фронтовик и поэт Сергей Филатов.

Тяжёлые раны, полученные в бою с фашистами, отнятая нога сказались на здоровье, рано оборвали жизнь. Собирать его стихи приходилось по тем публикациям в газетах, которые сохранили его земляки. Родная сестра поэта Ю. Михайлова не раз предлагала и отделу культуры райисполкома, и редакции газеты издать отдельным сборником стихи брата, но её никто не поддержал. Поэзия для тех руководителей в местных органах власти, озабоченных лишь сводками о надоях и выполнении пятилетних планов, была неким баловством и никчёмным делом. Став депутатом Госдумы России, я за собственные средства издал книгу стихов Филатова, назвав её “Время туманов седых”.

С воодушевлением я пересказал Толстоухову содержание книги, пожалев, что не захватил её с собой в качестве подарка. Сергей Филатов всегда ощущал себя крестьянским сыном. Любил подчеркнуть в стихах: “Я – крестьянин телом и душой”. Деревня стала для него символическим образом мироздания, той основой русского лада, который воспел в своих книгах Василий Белов. Поэзия крестьянской работы отложила свой отпечаток на филатовский поэтический стиль, сотканный из только ему известных деталей и подробностей. Это художественное восприятие не только шири просёлочных дорог, грачей, шагающих по пластам земли, но и льющегося потока жемчужного зерна, тяжёлого стука плотницкого топора.

Игорь Аркадьевич знал, что Филатов родился в здешнем селе Титово и даже бывал там. Знал, что ему не было и семнадцати лет, когда его после окончания девяти классов Высоковской средней школы забрали в армию. Закончив Ярославское военное пехотно-артиллерийское училище, Сергей Филатов воевал под городом Старая Русса. В том бою с фашистами, когда был убит командир, он взял командование на себя и в той жёсткой схватке был тяжело ранен. Осколки всю жизнь выходили из него... Стихи стали для него отдушиной. Он писал их легко, потому что любил писать...

– Когда я издал книгу его стихов, то подарил её всем школам, – признался я. – Дети, особенно в Высокове, должны знать, через какие трудности прошёл их земляк. Жаль, что в годы войны погибли в огне все его поэтические тетради. Воевал молодой офицер Филатов отважно, был удостоен ордена Отечественной войны, ордена Красной Звезды. На месте чиновников я бы в то время в деревне открыл музей поэта-фронтовика.

Неожиданно в наш разговор вклинилась Нина Леонидовна. Её заинтересовала упомянутая мною летопись церкви погоста Никольского, что на реке Ворсма.

– А где эта церковь находится? – спросила она меня.

– Рядом с вашими деревнями Русиново, Яшкурово, Хмельники, – ответил я. – Там течёт речка Ворсма.

– Кажется, мы там не были.

– А я ту церквушку еле-еле нашёл. Помог старожил деревни Ново Василий Смирнов. Меня тогда привлекала византийская архитектура. Помню одинокий храм с берёзками на крыше, стоящий на горе. Ни одного дома там не сохранилось. Люди разъехались, видимо, давно. Речку Ворсму не помню. Но старики из соседней деревни сказали, что она была полноводной, как рядом бегущая река Пажа. Да и до революции стояло в самом погосте Никольский на Ворсме 118 домов, в которых жило 394 души мужского пола и 473 женского. Кто-то даже вспомнил, что там располагалась церковно-приходская школа и библиотека. В сам приход храма погоста Никольский входило семь селений. Церковь меня порадовала и мощной кирпичной кладкой, и тем, что была построена в духе русско-византийского стиля. Один шлемовидный купол вызывал восторг, а ещё трёхступенчатые алтарные своды. Двухсветный пятиглавый четверик. И колокольня – трёхъярусная, выполненная уже в стиле классицизма. Пустовала церковь с 30-х годов. Я заглянул в неё и, кажется, пришёл в неописуемый восторг. Особо меня притянул к себе образ святого Николая Чудотворца во весь рост. Так как в церкви было три престола, то он был запечатлён в зимнем престоле на левой стороне – во имя святого Николая. А на правой стороне был также волнительно написан образ Преображения Господня. Конечно, в запущенном помещении было сумрачно, строго и давно уже не пахло благовониями. Лики святых на старых стенах смотрели сурово, но спокойно.

– Вы собираетесь туда доехать и сегодня? – спросила она и мягко улыбнулась.

– Нет, что вы... Зачем? Там давно даже в соседних деревнях ни одной живой души нет. Это когда-то один приход погоста Никольский имел, как записано в архивном документе, 547 мужчин-прихожан и 613 женщин. Данные эти подтверждает и летопись, которую я хочу прочесть и обсудить вместе с её владельцем Валерием Лапиным.

Я достал из портфеля папку с пожелтевшими листами старой летописи. Разложил её на столе. Нина Леонидовна осторожно взяла первый лист и углубилась в чтение. В её глазах незамедлительно вспыхнул неподдельный и искренний интерес к древней рукописи.

– Если можно, то я бы тоже поехал с вами в Ременники к Лапину, – вдруг кротко заметил Игорь Аркадьевич

– Буду рад, если составите компанию, – кивнул я.

– Только мне хотелось бы до отъезда показать вам ещё один свой дом, который мои дети используют под дачу. Он тут рядом. Пока Нина читает летопись, мы обернёмся туда и обратно.

Мы вышли на улицу и направились по неширокой и давно асфальтированной дороге на окраину села.

– В перестроечные времена меня за эту дорогу здорово критиковали представители оппозиции из Народного фронта в Ярославле. Депутату Бещевой казалось, что я, будто местечковый князёк, разорил весь областной бюджет, построил дорогу от одного дома к другому. Хотя, как видишь, ничего особого в этой сельской дороге нет, и она больше была нужна другим жильцам, чем мне. Она цела по сей день, так как её не разбили грузовики.

– У нас в обществе принято: раз ты начальник, то должен ходить в лаптях, – посмеялся я, увидев, что обычная, не имеющая грандиозных замашек дорожка с километр длиной по сей день не ремонтировалась. – Хотя со мной приключилась иная история. К моему дому идёт разбитая дорога. И когда люди едут по её лужам и колдобинам, а особо журналисты брать у меня интервью, то все в один голос критикуют меня: вот, мол, депутат какой плохой – даже себе дорогу не может заасфальтировать. Но стоит её отремонтировать, как сразу, уверен, закричат, что депутат использует служебное положение... Попробуй разберись, где и чья правота!?

– Мама у меня не разбирала, на чьей стороне правота. Когда народофронтовцы приехали сюда с телевидением – снимать компромат, она усадила их за стол и угостила чаем с вареньем. Потом они пошли снимать построенный якобы мною бассейн, который оказался прудом.

Сельская улица, по которой мы шли, утопала в зелени. Некоторые клёны и берёзы едва заметно окрасились в розово-фиолетовые и золотистые цвета. День выдался свежим, солнечным. Воздух был напоен запахами увядающих трав, лесных грибов. Васильковое небо распростёрлось над приземистыми бревенчатыми домами с палисадниками, которые цепочкой вытянулись по обе стороны дороги.

Неторопливый дед с внуком прошли мимо нас, остановились, добродушно улыбнулись, поздоровались. Я невольно подумал: как хорошо, что Игорь Аркадьевича земляки не только узнают, но и тепло приветствуют.

Наша дорога свернула на заросший луг. На низких проводах тихо сидели буроватые птицы с оранжевой манишкой в белой оторочке. Судя по окрасу и весёлому крику “чекк-чекке-чекк”, это луговые чеканы.

Вскоре тропа вывела нас к небольшому строению из белого силикатного кирпича. Оказалось, что это и есть тот дом, куда приезжают отдыхать летом взрослые дети. Среди роскошных белоствольных берёз, окруживших живописный пруд с камышом, он выглядел инородным телом. Перед двумя большими окнами на выкошенном зелёном лугу была вкопана низкая скамейка из широкой почерневшей доски. Проход к крыльцу заслоняли яблони, сливы и высокорослые вишни, облитые красными ягодами. Над крышей с фасадом из досок, покрашенных синей краской, возвышались густые ивы. Именно синий фронтон под крышей и смягчал взгляд от вызывающей раздражение стены из холодного белого кирпича. А расположившийся сбоку от дома пруд придавал всей территории волшебный вид. Здесь хорошо, расположившись в тени берёз, лежать в плетёном кресле и читать книги, слушать симфонии Чайковского или просто пение прворных голосистых птах.

Я долго и недоверчиво осматривал дом, отталкивающий меня своим силикатом, однообразием и отсутствием каких-либо резных украшений, декора,

наличников. Строители не смогли преодолеть стандартизацию и слепили белокирпичную коробку, такую, каких в округе сотни. Если бы у них была потребность в творчестве, живое стремление к красоте, то, что побуждает индивидуализировать жилой дом и нарядить его интерьер, то он вызывал бы уважение, такое же, как первый бревенчатый дом Игоря Аркадьевича. Зная свой характер – говорить всё начистоту, – я остановился у крыльца, подумал, стоит ли критиковать современные дома, ведь они все на одно лицо и отображают своё время. А советское время не приветствовало самобытность, традиции, оригинальность ни в архитектуре, ни в садовом искусстве. Сдержаться, увы, не смог и пусть в вежливой форме, но высказал свою мысль: как резко отличается стародавнее домостроительство от современного. Игорь Аркадьевич слушал внимательно, но лицо его было замкнуто и сосредоточенно.

Но стоило мне войти внутрь дома и увидеть уютный интерьер комнат, загадочный кувшин на полу, роскошное пианино, глиняную крестьянскую кринку, как сердце моё смягчилось, я начал расхваливать хозяев. Хорошо, что в этом грамотно обустроенном пространстве отсутствовали стандартная мебель и любимые у колхозников ковры с лебедями на стенах. Чувствовалось, что здесь жили творческие люди. И тут уж я не сдержался и признался, чем мне понравилась атмосфера жилых комнат. Загорелое лицо Игоря Аркадьевича разом обмякло, подобрело и морщинки на нём будто залучились.

Меня потянуло к пианино. Никогда не играл на нём, а тут пальцы побежали по клавишам.

– Кто у вас играет на пианино? – спросил я. – Хороший музыкальный инструмент. Мы с семьёй этой весной ездили в Крым, проехали по новому мосту. Посетили музей писателя Сергеева-Ценского. Когда экскурсовод узнала, что внучка у нас играет на пианино, то разрешила ей что-нибудь исполнить. Теперь мы гордимся, что наша Алёна играла в доме знаменитого писателя на пианино, за которым сидел когда-то сам Шаляпин.

– У меня дети – врачи, – с гордостью сказал Игорь Аркадьевич. – Хотят и занятые на работе, но любят приезжать сюда, повозиться в земле. Видел, какой крупный красный лук лежит на крыльце! Давно такого не было. Вырос – на удивление! И баня у них отстроена замечательная.

– Баню я заметил – основательная, красивая!

В нашей беседе вновь всплыла тема архитектурных особенностей крестьянских домов и хозяйственных построек. Умели наши предки подчеркнуть роскошь и величину жилища, не то, что нынешнее поколение. По старым деревням идёшь и не встретишь двух одинаковых домов. На каждом из них пропильная узорчатая резьба густо заполняет и фасад, и крыльцо, и двор.

По улице мы возвращаемся той же тропинкой к дому, где нас ждала Нина Леонидовна. Лёгкий ветерок качает плакучие ветви берёз. На ольхе заметны прозрачные листы с прожилками, значит, осень начинает свое движение. И в пруду вода прозрачная, светло-коричневая.

Я иду медленно, погружившись в думы о том, что встреча с Игорем Аркадьевичем открыла мне в нём бескорыстного и умного человека, а впереди меня ожидает ещё одно неожиданное и полезное – беседа с краеведом Валерием Лапиным.

Только мы вышли с тропинки на дорогу, как нам навстречу выехал мотоцикл. Управлял им Станислав Михайлович Озеров, бывший председатель местного колхоза имени 9 января. Я его хорошо знал, доводилось часто общаться в период журналистской работы, потому узнал сразу. Он, завидев нас, остановился, поздоровался. На его высокой фигуре ладно сидел защитного цвета рабочий костюм.

– Тружусь на пенсии, – признался он, вступая с нами в разговор и радуясь возможности узнать свежие новости.

– На пенсии не работают, а отдыхают, – заметил я.

– Какой отдых?! Вот заготовливаю корма. Коров держу по сей день. Четверо сыновей – в Питере.

– Навещают отца с матерью?

– А как же?! Не забывают. Часто приезжают.

Бывший председатель с горечью говорил о печальном положении развалившегося хозяйства, о повальном вывозе леса, осторожно посетовал на правительство, которое бросило деревню на произвол судьбы. Чем больше программ помощи сельскому хозяйству, тем незаметнее их исполнение. Спорить

не приходилось. И в районе, и в области в целом аграрный сектор влачил нищенское существование, а деревни вымирали одна за другой.

Хочешь, не хочешь, а вспоминаются старые добрые времена. Я припомнил Озерову, как приезжал к нему в командировки и беседовал по его предложению с деревенскими умельцами. Не любил я писать о надоях и приплодах, как требовали редактор и куратор из райкома партии, а стремился отыскать мастера на все руки, способного корзинку сплести, печку сложить, валенки свалить, косу отбить, и рассказать об их секретах, о тайнах народных промыслов в путевом очерке на целую газетную полосу. Порой мне не везло: таких увлечённых людей в деревнях становилось все меньше и меньше. Но тем значимей была командировка, если удавалось найти и побеседовать с ними. Двух жителей села Высоково я запомнил надолго. Один — Юрий Алексеевич Громов — был заправским кузнецом. Любую работу исполнял творчески, с выдумкой. Потому не было в автохозяйстве ни одного трактора, комбайна, сеялки, автомашины, где бы не стояла выкованная кузнецом деталь, если, конечно, техника требовала ремонта. Он отменно отбивал и косы всем желающим. Единственное, что ему было не по душе, это когда его называли колхозником. “Я кузнец, крестьянин в десятом поколении! А колхозник — это плохое прозвище”.

Жил и второй мастер в селе Высоково — это шофёр Николай Сорокин. Улучшение самодельной механизацией привело к тому, что он соорудил в своём дворе конструкторское бюро, где произвёл на свет чудо-технику, похожую одновременно и на трактор, и на автомобиль, и на вездеход. А собрал умелец-самоучка её из всевозможных железяк, валяющихся на свалках, и стоящей на задворках у родственника сломанной инвалидной мотоколяски. В день моего знакомства с ним он показал мне, как сноровисто возит на изобретённой технике картофель с участка, сено с дальних лугов.

Сегодня на мотоблоке возит корма для коровы бывший председатель колхоза.

Когда мы заговорили о мастерах, расширяющих своё личное подсобное хозяйство и понимающих, что ухаживать за скотиной без механизации трудно, в моей памяти невольно всплыли беседы с отцом председателя — ветераном войны, закалённым коммунистом Михаилом Михайловичем Озеровым. Он часто выступал на страницах местной газеты с фронтовыми воспоминаниями. Многие его письма и рукописи я сохранил в своём домашнем архиве как живые свидетельства и документы тех грозных и победоносных лет. Наши жаркие дискуссии с ним начались с той поры, когда в стране стало зарождаться фермерское движение. Отголоски их даже в газете публиковались. Соглашаясь со мной, что нужны различные формы собственности на землю и нужно дать право крестьянину выбрать, где ему работать — в колхозе или на семейной ферме, он всё же яростно защищал колхозную систему. При этом признавал, что отток молодёжи из деревень приобрёл большие и опасные масштабы, а приезд из городов на уборку колхозной картошки рабочих заводов и студентов — это тупиковый путь в аграрной политике. На вопрос, что делать, у него был противоречивый совет — обращение к городским жителям: приезжайте в деревню и обеспечьте себя продовольствием, а в колхозе, как он писал, “за добросовестный труд будете обеспечены высокой оплатой, вам построят жильё, помогут обзавестись личным хозяйством”.

Конечно, мои аргументы в защиту семейных фермерских хозяйств вряд ли были самыми правильными и убедительными, так как многие из них он отвергал. Ему нужны были доказательства, что единоличник трудится на земле лучше колхозника. А я хотел понять, почему из шестнадцати колхозов в районе в передовиках ходит один “Новый путь” и почему его председатель Михаил Ковалов рвёт жилы ради успеха, а другие — нет!? Крестьянский труд самый неблагодарный, тяжёлый, рабский. И государство, вместо того чтобы сделать его престижным и высокооплачиваемым, вместо того чтобы провести в деревни газ и дороги, поставить современную технику, постоянно унижает и обкрадывает крестьян. В таких условиях ни одна мать не захочет оставить детей в деревне.

Глядя на мотоблок бывшего председателя колхоза, я помрачнел. Зря прошли наши споры с его отцом. Прошло тридцать лет, а чиновничья кремлёвская властная элита как презирала крестьянство, так и продолжает упорно ненавидеть. Колхозы окончательно развалились. Фермеры не встали на ноги,

не обрели должной силы. И всё по одной причине: деревня так и не получила дорог, газа в дома, техники, достойных зарплат и уважения в обществе. Из всего некогда большого колхоза лишь у одного председателя я увидел мотоблок. Даже не мини-трактор. А, по сути, в каждом крестьянском хозяйстве, независимо от форм собственности, должны были находиться в рабочем состоянии и трактор, и машина, и прочая сельхозтехника. Тогда можно начать верить в возрождение деревни. Начать. А сам процесс возрождения крестьянства не забурлит даже при наличии техники и газа в доме, если в обществе и в правительстве не произойдёт осмысления важности смысла работы на земле, а это уже более тяжёлая нравственная и духовная задача.

— Наверное, мотоблок — надёжный помощник в хозяйстве? — задал я Станиславу Озерову в конце нашей беседы риторический вопрос. — Мы с твоим отцом Михаилом Михайловичем (царствие ему небесное!), хорошо помню, ставку делали на механизацию сельского хозяйства, думали, придут трактора и комбайны в деревню и оживут колхозы, заработают фермеры. Верил в механизацию и шофер Сорокин Николай. Но мы ошиблись... Нынешняя власть в который раз предаёт крестьянина. Никому не нужна деревня. За последние годы либеральных реформ в России исчезло 24 тысячи деревень.

— О какой деревне вы говорите!? В них остались одни старики.

Я подумал, что он продолжит и скажет, что и его четверо сыновей давно покинули отчий дом и живут в городе, но он об этом промолчал. А мне и так было понятно, какая земная и нравственная сила удерживает отца на земле и, несмотря на старость, поддерживает в нём желание держать корову, и почему дети не разделили участь родителей и не пожелали остаться крестьянами. У меня самого дети уехали в город.

С печальными мыслями я поплёлся вслед за Игорем Аркадьевичем в дом Толстоуховых. Почти весь наш разговор с бывшим председателем Игорь Аркадьевич слушал внимательно. И я изредка следил за выражением его лица, как внимательность сменялась на нем холодом, гневом, горечью...

Нина Леонидовна встретила нас взволнованно. И вид у неё был деловитый, оживлённый.

— Захватила меня эта летопись, — громко и бойко заговорила она. — Прочла некоторые страницы, разобрала непонятные места и пришла в восторг. Какая интересная история у храма! А какой насыщенной была жизнь в деревнях, что входили в приход! И сколь много у храма было жертвователей!

— Меня тоже поразило, когда читал летопись, что церковь и строилась, и содержалась за счёт простых крестьян!

— Причём жертвовали не деньги, а религиозные предметы! — продолжала удивлённо восклицать Нина Леонидовна.

— Я помню, один крестьянин подарил хоругвь, другой — семисвечник с лампадками.

— Да тут священник в летописи пофамильно назвал многих крестьян, которые за последние десять лет принесли подарки в храм.

Нина Леонидовна осторожно перевернула листы летописи, нашла нужный перечень.

— Здесь написано, кто жертвователь, — сказала она очень вежливо и очень торжественно, показав пальцем на открытую страницу.

Я склонился над летописью. К столу подошёл и Игорь Аркадьевич и тоже посмотрел пристально на летопись.

Напрягая зрение, Нина Леонидовна стала читать текст, но уже другим, размеренно-твёрдым и повышенным тоном:

— “От крестьянина деревни Русиново Дмитрия Феофанова — два новые священнические облачения, парчовые, стоящие одно 200 рублей, другое 125 рублей. Два заклиросных иконостаса с золочёной резьбой — 300 рублей. Икона святой мученицы Параскевы для иконостаса, выточенная через огонь, стоящая 130 рублей. Художественного письма. Одежда парчовая на престолы и жертвенники в приделах зимней церкви и занавес шерстяной, цветочный, стоимостью 48 рублей”.

Как только она остановилась, перестала читать, так я продолжил, заметив, что не только богатые, но и бедные крестьяне не забывали вносить дары в свой храм.

— “От крестьянина деревни Ораново Ивана Мочалова следующее: священническая риза, стоимостью 20 рублей; стихарь и орарт для дьякона на

случай сослужения его, из парчи, стоящие 20 рублей; на престольный крест вызолоченный, стоящий 10 рублей; хоругвь, стоящая 25 рублей; покровы на умерших и на престол, парчовые, стоящие 25 рублей. От крестьянина Дмитрия Никифорова из деревни Яшкурова новое священническое облачение и покровы на святые сосуды из красного бархата, стоящие 60 рублей”.

После чтения на минуту в комнате воцарилась тишина.

— Заботливые крестьяне были, — промолвила Нина Леонидовна. — И, видимо, не такие уж бедные, раз щедро одаривали храм.

Я качнул головой в знак согласия. Потом удивлённо добавил:

— Раз такие приношения были, то тех крестьян можно считать богатыми. Не могли же они недоедать и нищенствовать при таких расходах?! Нашлись такие большие деньги на священнические облачения из парчи, стоимостью в 200 рублей, золочёный иконостас в 300 рублей, выходит, они разоряли хозяйство крестьянина. А потом, смотрите, они дарили не абы что, а нужные храму вещи, и, скорее всего, ездили покупать их в далёкие края, ведь церковных лавок в округе не было. Выходит, зря большевики говорили, что крестьяне повально нищенствовали, пухли от голода.

Игорь Аркадьевич догадался, что камешек я бросил в его огород, не стал отмалчиваться и сказал:

— Разные крестьяне были. Тот же Михаил Михайлович Озеров говорил, как тяжело ему было подростком работать до революции в своём единоличном хозяйстве. Не хватало хлеба до нового урожая. Многие селяне уезжали в город на сезонные работы.

— И это правда. У Озерова три брата остались в Питере после того, как поехали туда на заработки. Он мне тоже рассказывал про те годы. В их семье были плотники, столяры, шорники, выделывали овчины, делали кирпич, посуду. Кормились и ремеслами. Но он не жаловался на то, что мальчонкой уже умел управлять лошадью, теребил лён, косил траву. Претензии к тому времени и к тем трудностям заключались в другом, в том, что крестьянин нуждался в технике, инвентаре, хозпостройках, в переработке выращенного урожая. А власть не могла этого дать. А раз не могла, то многие крестьяне оттого, наверно, и поддержали революцию. Но в чём ещё были не правы коммунисты? В том, что писали ложь про крестьян, которые повально грабили и жгли свои храмы. Разве могли те крестьяне, что покупали дорогие иконы и священнические облачения из парчи, потом сжигать эти свои подарки?! Не верю. Да и опрашивал я многих жителей сёл и деревень, где были закрыты и отданы под склады церкви: кто грабил церковное имущество? Их ответ был однозначен: мародерствовали в основном приезжие, редко — местная голытьба, то есть те, кто ленился работать на земле. Зря коммунисты рушили храмы, жгли усадьбы.

— Это была ошибка! — тяжело выдохнул Толстоухов.

— Много же было ошибок, — заметил я. — Плохо то, что эти чудовищные ошибки не исправлялись, а усугублялись, повторялись. Любые ошибки нужно понимать, чтобы развиваться, а не доводить страну до застоя. Мы чуть не лишились Борисоглебского монастыря — жемчужины архитектурного зодчества, памятника великой истории. На его руинах хотели разместить автовокзал.

— Впервые слышу про это.

— А вы зайдите в музей, там вам расскажут, каким чудом был спасён монастырь.

— Наверное, это было давно, до меня и моего предшественника Лощенкова. Я ведь до обкома десять лет руководил горкомом партии в Ярославле, год был заместителем у первого секретаря обкома партии Лощенкова. Кстати, Лощенков любил приезжать в Борисоглебск. Он называл район Борисоглебской Швейцарией.

— Да, это было до вашего правления. Но вы всё-таки мало меняетесь. Недавно прочёл в газете, как вы ездили со своей старой командой смотреть в нашем районе крупнейший агрокомплекс “Вошажниковский”. В том числе были Дорофеев, бывший второй секретарь обкома, Колпаков, секретарь обкома и председатель облагрокома, Шляхова, бывший первый секретарь Брейтовского райкома КПСС. Всех вас он восхитил — беспривязное содержание, процесс электронного доения... Вы не заметили, что он уничтожил семь колхозов, вместо того чтобы разводить знаменитую местную ярославскую породу коров, завезли иностранную голштинскую, производит не чистый

экологический продукт... Ваша старая команда управленцев ничем не отличается от нынешней либеральной — вы страдаете гигантоманией в ущерб малым формам хозяйствования на земле, в ущерб экологии и здоровью населения.

Чтобы смягчить напряжённость в нашем разговоре, Нина Леонидовна собрала аккуратно разложенные на столе листы летописи и прочла заинтересовавший её абзац.

— “С западной стороны и южной стороны храм стоит на большом холме, со всех сторон окружён мелким лесом и кустарниками. С южной стороны протекает небольшая речка Ворсма, изобилующая рыбой, на ней стоит по ту сторону мельница. Скучно жить в погосте с ноября по март и небезопасно, а в остальное время года даже приятно”.

После чтения она предложила:

— Может, вы заедете в те края, посмотрите, что там с храмом, с речкой?

— У нас мало времени. К тому же хранитель этой летописи не отвечает на звонки. Боюсь, не уехал ли куда?!

Мы стали собираться в дорогу. Я поблагодарил хозяйку за гостеприимство и душевную беседу.

Мы двинулись в путь наугад: вдруг повезёт и краевед окажется на месте — работающим в саду, на пасеке или колющим дрова во дворе...

Плутать по ухабистым и петляющим сельским дорогам нам особо не пришлось. Пусть с трудом, но нашли деревню Ременники.

Соседка Лапина обнадёжила нас тем, что видела его утром, и предложила поискать в конце деревни — там у одной старушки он собирался ремонтировать печь.

Пришлось идти через всю деревню длинной заросшей тропинкой. По краям стояли довольно крепкие бревенчатые дома. Мой взгляд то и дело останавливался на стройном частоколе ухоженных палисадников, на побеленных печных трубах, на ладно сложенных поленицах. Раздольное пространство улицы было засажено старыми елями, ивами и клёнами. Широкий пруд с берегами, обросшими высоким камышом и осокой, манил к себе как домашних, так и диких уток. Пройдёт ещё месяц, и над этой тихой лесной деревушкой можно будет услышать хрустальный перезвон журавлей.

Что нового, потаённого скажет о рукописи её недавний открыватель? Несомненно, в глубинах текста, между строк жили какие-то тайны. Если на одном погосте Никольском располагалось 118 домов, в которых жили 394 мужчины и 437 женщин, то можно предположить, а археологам и краеведам взяться за изучение, какие здесь жили мастера, сколько у них было в наличии домашней живности и прочего имущества. И наверняка какой-нибудь крестьянин, разбогатевавший, уехал в Санкт-Петербург или Москву и открыл там своё производство. Жил же в нашем районе в деревне Иевлево крестьянин Василий Марин. Поехал посмотреть Москву, там увидел пожар, горел Большой театр, а в нём — люди. Кинулся Марин в огонь и спас людей. Получил медаль “За спасение погибающих”. Или взять крестьян братьев Степана и Григория Елисеевых из деревни Новосёлка. Даже в наше время многие знают, что именно им принадлежали в Москве и Питере знаменитые Елисеевские магазины. Мне почему-то верилось, что и крестьяне из погоста Никольского, что на реке Ворсме, много значительного сделали для развития страны, её науки и культуры.

Я шёл по узкой деревенской тропинке с летописью в портфеле и радовался, что в округе ещё живёт нерушимое стремление сохранить традиционный уклад жизни, старину.

В конце деревни мы подошли к указанному старушкой дому, украшенному затейливой резьбой и покрытому двухскатной крышей. Я взойшёл на крыльцо и постучал в дверь. Долго ждать не пришлось. Через минуту ко мне вышла женщина и, завидев меня, тотчас заулыбалась. Её маленькие глаза были задумчивы и зорки. Волосы небрежно рассыпаны по плечам. Только я успел назвать себя, как она сказала:

— Да я вас узнала, Анатолий Николаевич.

— Откуда? — удивился я.

— Вы в Ярославле были у нас на заводе. Я обращалась тогда к вам за помощью, и вы мне помогли. Моя фамилия Доценко.

— Спасибо за доброе слово. А мы ищем Лапина. Нам сказали, что он где-то здесь ремонтирует печь.

— Так он с утра вон в том соседнем доме у Дарьи, действительно, печь перебирает.

Мы поблагодарили женщину, расспросили о том, какими делами она занимается, чем живёт деревня, и пошли дальше. Запомнились её признательные слова: “В городе скучно, а здесь мне хорошо, привольно, проснулся, толкнул дверь, вышел и ты уже на земле!”

Дом Дарьи Алексеевны Мельниковой тоже был из разряда старых, бревенчатых, но с типовой обшивкой и с особым типом резного украшения. Если у соседки жильё было удивительно тонко и замысловато раскрашенным, то у неё орнамент выглядел попроще. И всё же дома выглядели настолько нарядными и привлекательными, что нельзя было не порадоваться ни за хозяев, ни за старых мастеров-резчиков, каждый из которых придавал пропильной резьбе особую, ей присущую индивидуальность.

Стучали в дверь мы долго. Хмурый Лапин вышел с ведром, наполненным битым кирпичом, с ветошью в руках. Нехотя откликнулся на наше приветствие, смыл под рукомыльником глину с рук, подошёл ко мне. Он был в светлой голубой рубашке с короткими рукавами, невысокого роста, с густыми кустистыми бровями. Я извинился, что отрываю его от важного дела, коротко объяснил цель приезда, представил своего спутника.

— Вам придётся меня немного подождать, сейчас закончу кладку и тогда поговорим, — деловито согласился он. — Пару кирпичей осталось положить, бросать работу нельзя.

В поведении Лапина было что-то необъяснимо-странное, не похожее на обыкновенную усталость, тем более, на злоупотребление алкоголем. Заметив мою настороженность, он пояснил, что недавно перенёс инсульт.

Мы присели на завалинку, стали ждать. Лапин, к счастью, освободился быстро.

— Валерий Николаевич, откуда у вас познания в печном деле? — поинтересовался я.

— Деревенский человек на все руки мастер, — певуче и задумчиво ответил он. — Я до службы в армии успел даже пять лет пастухом поработать. Хорошо помню лето 60-го года. Тогда довелось помогать местному печнику... А сегодня приспичило вспомнить то ремесло, потому что сон плохой видел. Славка, друг, приснился. Мы его давно похоронили. И вдруг снится мне, что его дом горит. Просыпаюсь, думаю про себя: а не сходить ли проведать дом жены моего друга, не горит ли он на самом деле? Пришёл к Дарье, а сон в руку — у неё печь прохудилась, от огня брёвна уже затлели. Ещё пару минут — и пожар. Я вовремя пришёл. Такое Божье послание.

— Или предчувствие православного человека!? — предположил я.

— Нет, именно Божье послание. У нас нет возможности предвидеть пожар, приближающееся горе. А Бог, он полон сострадания к нам, потому, чтобы не допустить беды, он безмолвно страдает нам и посылает во сне предупреждение, заставляет нас избежать трагедии.

— Спасает?!

— Помогает уйти от греховного мира с его пороками и соблазнами.

В дом Лапин провёл нас не через крыльцо, как обычно, а почему-то через просторный двор. В комнатах чувствовалась хозяйская закуска — чистый стол, широкий диван с цветастым покрывалом, этажерки с аккуратно сложенными в стопку тарелками и чашками, отглаженные занавески на окнах. Можно было подумать, что это дело рук заботливой женщины, но, насколько мне было известно, Валерий Николаевич вёл холостой образ жизни. И тем удивительнее было, что у холостяка красиво обставленная комната, обклеенная зеленоватыми обоями, хранящая вид старомодного достоинства.

— Отгадайте, откуда пошло название у деревни — Ременики? — с ходу задал Лапин вопрос, заметив, что я достал блокнот и толстую папку.

— Ремни, наверное, делали, — предположил я.

— Не совсем так. Два века назад по нашим местам тянулась дорога, связующая Москву и Ярославль. И вот однажды рядом проходил и останавливался лейб-гвардии Семёновский полк. Событие для местных жителей громадное. Девушки, естественно, заглядывались на бравых солдат, гуляли с ними. И когда у них рождались дети, то их называли ремениками, так как солдаты носили на форме ремни. Кстати, с той поры раскинувшееся рядом широкое поле так и называют Семёновское.

— Про Семёновское поле мне рассказывал житель деревни с необычным названием Деревеньки Сергей Иванович Коровин. Она где-то тут недалеко от вас. Я приехал к нему с магнитофоном и записывал его игру на гармонии. Удивительно, но работал он дояром. В той же деревне грустные и весёлые мелодии играл на гармошке тракторист Николай Волков, да так играл, что вся деревня заслушивалась. Однако гармонь Коровина я узнавал по одному движению меха. Помню, я его привозил к Валентине Поповой в Ново на посиделки, а он все расспрашивал, как у них в тридцатые годы проходила коллективизация, где лучше работалось крестьянам — в колхозе “Ново № 2”, состоящем из одной деревни, или в колхозе имени 1 Мая, куда вошли уже и Ново, и Ораново.

— Деревни Ново и Ораново, кажется, объединились в колхоз имени 1 Мая в 1936 году, — строго отчеканил Лапин. — А уже в 1958 году из населённых пунктов Ново, Ораново, Хмельники, Русиново, Яшкурово образовали колхоз “Вперёд”. Вообще, мне отец говорил, что чем меньше в колхоз входило деревень, тем эффективнее там шла работа. Укрупнение приносило лишь зло.

— Коровин тоже рассказывал, что в системе “один колхоз — одна деревня” больше было аграрных успехов.

— У отца где-то сохранилась запись, в каких деревнях какие колхозы были. Сейчас посмотрю, может, найду. . .

Он быстро встал со стула и исчез за дверью, ведущей в кухню.

В принесённых им тетрадных листках я обнаружил много интересных фактов.

Коллективизация прошла тяжёлым катком, как известно, по всем деревням. Затронула она и Высоковский, и Яшкоровский сельсоветы. Я выписал в свой блокнот те деревни, которые входили в приход погоста Никольского или располагались недалеко от него. 9 декабря 1932 года в деревне Титово был создан колхоз “Верный путь-6”. В деревне Старо-Раево 17 декабря того же года был организован колхоз “Победа № 4”. В 1940 году оба эти хозяйства объединились в колхоз “Победа”. В деревне Кузьминское 2 января 1933 года единоличные хозяйства объединились в колхоз “Кузьминское”, в Цепелёве 10 января 1933 года создан колхоз “Залесье”, в Староселье 17 декабря 1932 года — колхоз “Красноселье”. 4 декабря 1940 года колхозы “Красноселье”, “Кузьминское” объединились в колхоз имени Чапаева. Решением Ярославского облисполкома от 5 марта 1947 года колхоз имени Чапаева разукрупнён на два колхоза: деревни Кузьминское и Староселье в один колхоз, а деревня Цепелёво — в другой. В этом же году произошло разукрупнение и других хозяйств. Так, колхоз имени 1 Мая разделили на три колхоза: “Вперёд”, куда вошли деревни Хмельники, Яшкурово, имени 1 Мая — с деревнями Ново, Ораново, “Красное поле” с деревней Русиново. Решением Ярославского облисполкома от 14 января 1950 года “Об укрупнении колхозов” объединены колхозы “Вперёд”, имени 1 Мая, “Красное поле”. Общее название у хозяйства долгое время было “Вперёд”, пока его не заменили на имени 9 января.

— Грамотный у вас отец был, — сказал я. — Кем он работал?

Хозяин дома вдруг заговорил громко и строго. Глаза его стали пронзительны и почти молоды.

— Николай Александрович Лапин был председателем Высоковского сельсовета. Вы его вряд ли застали. . . Он из потомственных крестьян. Участник Курской битвы. Как пришёл сюда с войны, так отсюда никуда и не уезжал.

— Выходит, он был в гуще событий, в эпицентре разорения деревень, — посочувствовал я. — Видел, как уходил и исчезал хозяин земли.

— Русская деревня — невинная жертва предрассудков коммунистов. Они видели, что крестьянин всегда стремился сохранить традиционный уклад жизни и выражал неприятие тем новшествам, что ему навязывались, но ломали его через колено.

— Почему? — недоумённо спросил Игорь Аркадьевич, внимательно слушающая хозяйина дома.

Валерий Николаевич мельком, старчески-строго глянул на бывшего первого секретаря обкома партии и выпалил:

— Изначально был взят несправедливый курс на уравниловку. Бог, как говорится, и лес не уравнил. А у нас всех взяли под одну гребёнку, впрягли в одну телегу различные человеческие натуры, отличающиеся по характеру, энергетике, смекалке, хозяйственной предприимчивости. В 1965 году мартовский

пленум ЦК КПСС принял решение о гарантированной оплате труда жителей села. Отец тогда возмущался: осенью в колхозе не убрали картофель, угробили урожай, а все получили гарантированную оплату. Хозяин бы в своём единоличном хозяйстве этого не допустил. А колхознику не надо было пузо надрывать. А как отец ругался, когда заставляли яблони вырубать! Вся деревня слышала его слова: “Дурдом вприсядку”. Эта присказка стала и моей. Ну, разве не дурдом — заставлять крестьян сдавать государству яйца, шерсть?!

— Излишки сдавали, — уточнил Игорь Аркадьевич. — Норма такая была.

— Вот я и повторяю отца: когда пляшут вприсядку — дурдом!

— Я уже говорил Анатолию Николаевичу, что это ошибка была, — сумрачно улыбнулся Игорь Аркадьевич.

— Сейчас этих ошибок ещё больше, — тяжело вздохнул Валерий Николаевич. — Всякое отношение властей к деревне — сплошная ошибка, а может, и преступление. Я пишу Путину письмо, спрашиваю, когда вы возвратите поля в севооборот, в нормальное состояние, а он молчит. Остатки деревень умирают, а он не видит.

Лапин так разошёлся в осуждении сельскохозяйственной политики, что я подумал: если его, наделённого богатым воображением и жизненными наблюдениями, не остановить, то беседа затянется до темноты. Первым сменил тему разговора сам Толстоухов.

— Его отец у меня учителем был, — обратился он ко мне, слегка похлопав по плечу Лапина. — Военное дело преподавал.

— А ваша мама, Вероника Сергеевна, учила меня и физкультуре, и музыке, — последовал тотчас ответ Лапина. — Школа у нас располагалась в барском доме помещика Павла Мезенцова. Там было два флигеля. На первом этаже размещался крепостной театр. А когда я учился, на сцене стояло пианино, наверняка оставшееся от Мезенцова. А вот двуглавый орёл с двумя крыльями куда-то из театра исчез, видимо, воинствующие атеисты сбили его. Пели мы песни и про васильки, и про тополя, и про скворцов. Ещё помню, как Вероника Сергеевна заходила в класс и, прежде чем начать урок, восторженно говорила: “Ребята, грачи прилетели”, — и мы шли смотреть на первых весенних птиц. Директор школы Иван Алексеевич Варгунин поощрял все наши походы на природу, в деревни, говорил, что мы занимаемся родиноведением.

Я достал пожелтевшие листы и, выложив их на стол, задал Валерию Николаевичу давно мучающий меня вопрос.

— Где вы нашли эту летопись?

— Её нашёл не я, а отец, — не выказав никакого удивления при виде знакомых бумаг, ответил Лапин. — Когда в округе разрушали и грабили церкви в селах Высокове, Яшкурове, на погосте Никольском, то он старался ценные предметы старины сберечь, то ли это были книги, то ли иконы. Больше раздавал их старухам, разрешал им вынести и спрятать, а что-то и себе домой приносил. Среди спасённых церковных книг оказалась и эта летопись. Она была подобрана, кажется, в разрушенной церкви Николая Чудотворца в Яшкурове. В тот трагический день из района приезжали чиновники и с ними были два фотографа, одного я знал — это Владимир Горнич из местной газеты. Отец показал ему летопись, но взять её с собой и отдать в музей тот отказался.

— Выходит, она была у вас дома?

— Да, я обнаружил её во время ремонта. В заброшенном комодe в зимовке лежали старинные документы, книги, записные тетради отца и эта летопись. Ещё хранятся письма моей мамы. Взавшись перечитывать их, я просидел весь день и понял, какую интересную и трудную жизнь прожили родители и их послевоенное поколение. На моего дядю Михаила Александровича Лапина дважды приходила похоронка. Во время войны он попал в плен. Бандеровцы хотели его повесить, усмотрев в нём сходство с евреем, но немцы казнь отменили, заявив: “Найн юде!” После освобождения красноармейцев из фашистского лагеря дядя попал в советский лагерь фильтрации. Через год прошёл проверку и вернулся сюда, домой. А мать, получившая в сорок первом году похоронку, как увидела его, так упала в обморок. . . Жить здесь, в деревне, он не стал, забрал семью и, убегая от нищеты и бардака в колхозах, уехал в Днепрпетровск. Вот зигзаги судьбы — чуть не погиб от рук бандеровцев и уехал на Украину, где опять властвуют бандеровцы. Второе известие о гибели на фронте дяди пришло нам недавно. Краевед-поисковик Сергей

Кудрявцев сообщил через газету, что мой дядя погиб в плену. Пришлось давать опровержение. Много мама сохранила историй о войне, коллективизации, деревенских посиделках, сенокосе... Я читаю её письма и многое вспоминаю.

— Может, вам следовало издать эти письма? — перебиваю я Валерия Николаевича. — Сейчас такой достоверной и правдивой литературы о жизни колхозной деревни нет. И, скорее всего, не будет.

— Сколько у неё зафиксировано деревенских судеб! Но кому нужна история наших русских деревень, ежели молодёжи и история России неинтересна?! Но то, что её замалчивают, перевирают, тут ваша правда. Я у отца нашёл старую-престарую карту Борисоглебского района. Ладно, в ней указаны деревни, которых давно уже в живых нет. Но меня смутило то, что название реки, где я купался, написано неверно. В разных картах — разное название, в одном месте указана река Ворсма, а в другом — река Ворга.

— А в летописи её священник прописал, как реку Ворсма, — добавил я. — Или речь идёт о другой реке? В летописи сказано, что она кишит рыбой.

— То другая река, рядом с ней находится церковь погоста Никольского, история которой запечатлена в этой летописи. Церковь та состояла из трёх престолов, один из которых назван был во имя святителя Николая. В другом недалёком селе Яшкурово тоже церковь носила имя Николая Чудотворца. Бабушка у нас любила ходить и туда, и туда. И называла она их так ласково — Никола Царевна! Я, когда увидел церковь на погосте Никольском — она стояла на высоте — на бугре, то догадался, отчего её прозвали Царевной. От всего её облика исходит византийская красота, величие, достоинство!

— Давайте съездим к ней сегодня или завтра! Я там был, но давно.

— А я недавно проходил, — грустно заметил Валерий Николаевич. — Смотришь там на развалины — лишь душу терзать. Да и дороги туда нет. Храм весь в развалинах, зарос кустарником. Лишь святитель Никола смотрит с укором с потрепанных ветрами и дождём стен.

— Помню тот образ Николы. И храм, пусть плохо, но помню. Я тогда держался у одной доброй набожной старушки в деревне Труфанцево. Фамилию её помню — Кукуева. Она подарила мне намоленную иконку Николая Чудотворца. Приехал в храм со знакомым гармонистом из деревни Ново уже под вечер. И храм казался исполненным силы и умиротворённости.

В нашей оживлённой беседе наступила тихая пауза. Развёрнутая на столе летопись привлекла внимание сразу всех.

Церковь на погосте Никольском была построена в 1804 году, а в 1846 году вновь перестроен зимний её предел. Летняя часть церкви перестроена в 1863 году. Та и другая церкви сооружены на средства прихожан. Церковной земли значится 110 десятин.

На предпоследних листах летописи я обратил внимание на незамеченные мною ранее сведения о том, что между крестьянами деревень Ременники и Ораново возник конфликт из-за земли, и по указанию священника церкви погоста Никольского она отошла в пользу орановских несмотря на то, что её обрабатывали ременниковские. Мой интерес тотчас передался Толстоухову. Он пробежал глазами по витиевато написанным предложениям и отказался читать дальше. Взялся за летопись Лапин. Вначале он заплетающимся языком бормотал бессвязный вздор и тем самым показывал, каким полоумным может стать человек, если он напрочь забывает язык предков. И всё-таки, проникшись значением слов, он стал их понимать и читать с тревогой в голосе, торопливо, как бы боясь, что его прервут.

«Вторая земля, в количестве 46 десятин, находится в трёх верстах от церкви, между деревнями Павловском, Орановом, Рагуйловым, Алексиним, Бечмеровым и Ременниками. Последняя деревня Ременники дорожила этой землёй и сейчас желала бы ею пользоваться, но в 60-х годах причт почему-то прогневался на крестьян деревни Ременники (они не местного прихода) и отказал в аренде. Ныне её определительно нельзя разделить на пахотную, сенокосную и прочую... Ременниковской этой землёй пользуются крестьяне деревни Ораново, — прихожане, и первоначально она была им нужна для выгона скота; года три тому назад они начали понемногу распахивать запущенные поля, из которых много заросло лесом, которого, впрочем, и прежде было много, но весь он дровяной; за эту землю причт получает с крестьян Орановских 80 рублей ежегодно, по условию на неопределённое время, в три

срока. Земля эта известна под названием “Пустошь Строгино”. Передана она по государственной записи священно-церковнослужителям Никольского погоста г. Сумароковыми, проживавшими в деревне Павловское Николо-Вораненского прихода. Планы и межевые книги как по первой, так и по последней земле хранятся в церкви и писаны в одном 1775 году”.

В двух местах Валерий Николаевич не смог прочитать незнакомые слова, потому пропустил их. Но смысл текста и так был ясен. И когда я следовал за мыслью священника, то представлял упомянутые деревни с их покосами, лесеами, выгоном скота. Возникали и вопросы, на которые невозможно было дать скорый ответ: почему причт прогневался на крестьян деревни Ременники, в которой мы сейчас с Толстоуховым находимся, и какое он имел право перераспределить её в пользу других крестьян? Откуда взялись запущенные поля, ведь в то время земли не хватало? Кто и каким образом делил земли на сенокосные, пахотные, для пастьбы скота? Почему причт получал с крестьян деревни Ораново 80 рублей ежегодно? Что из себя представляет Пустошь Строгино, и откуда у неё такое величавое название?

— Кто такой причт? — первым спросил Игорь Аркадьевич. — Правильно ли это слово тут написано?!

— Моя бабушка священника называла “причт”, — вспомнил Валерий Николаевич. — Причт — это клир, священник, церковнослужитель одного прихода.

— Распространено другое слово — причётник, — встрял в разговор я. — Но им мог быть не только клирик, церковнослужитель, но и пономарь, звонарь, дяк. Наверное, слово это пошло от причитать, приговаривать.

— А вы обратили внимание на то, как остро в то время стоял земельный вопрос?! — сказал Игорь Аркадьевич, обратив наше внимание на взволновавший его факт. — Крестьяне деревни Ременники дорожили этой землёй, но по гневу какого-то причта-церковнослужителя они были лишены её.

— Меня это тоже взволновало, — отозвался я. — Если эта земля принадлежала церкви, тогда понятно решение причта. Судя по тексту, она была подарена церкви жителями деревни Павловское Сумароковыми. Значит, она сдавалась в аренду. Но возникает другой вопрос: насколько справедливо отнимать землю у одних крестьян и отдавать её другим, да ещё за плату в размере 80 рублей ежегодно?! И зачем вообще нужно было церкви этим заниматься?! Чем больше вникаешь в ту несправедливость земельных отношений, что сложилась до революции, тем яснее становится, откуда возникли предпосылки того, что крестьяне приняли на первых порах эту самую революцию. Но к власти на горе крестьян ринулись нигилисты, западники и русофобы. А обещанной земли крестьяне так и не получили.

— Революция была неизбежна.

— О том, что в России произойдёт революция, писал ещё Фёдор Тютчев. В книге “Россия и революция” он предрекал, что если власть в России не проникнется национальным духом, то грядет революция. Но власть ни его, ни славянофилов не слушала, продолжала рядиться в западные одежды, поклоняться Западу, при этом унижать собственный народ, вытравливать национальные традиции. . . И пришло время Ленина, который дал правильный вердикт болезни российской власти: “Верхи не могут, а низы не хотят”. Безусловно, “верхи” прогнили, утратили чувство национального достоинства, предали Православие, потому погубили и себя, и страну, и крестьян. Это моя точка зрения.

— Да и до революции, и после неё, а более всего — нынче власть предаёт, прежде всего, свою историю, веру, культуру, традиции, — твёрдым голосом сказал Валерий Николаевич. — И самое страшное, когда эта продажная власть, переставшая быть национально ориентированной, заражает своей русофобской болезнью народ, а если народ перестаёт знать прошлое, отказывается от веры предков, то он не сплочён и не един. Тогда народ превращается в население, с которым можно и страну легко потерять.

Между Лапиным и Толстоуховым завязался содержательный разговор о состоянии современной элиты, бросившей на произвол судьбы русскую деревню и отказавшейся проводить разумную сельскохозяйственную политику, в основе которой — учёные труды отечественных экономистов.

— Крестьян уже давно нет, — вырвалось у меня. — Даже те, кто уезжает, — уже не крестьяне, а уж тем более те, кто остался. Ещё недавно в деревнях я встречал и печников, и шорников, и гармонистов. Сегодня некому даже

косу отбить, не то что наличник на окно вырезать. Коров не держат, да и не знает молодёжь, что такое отёл. Морковь и капусту не выращивают, а в магазине покупают. И что это за жители деревни? Я ещё другое время застал. Все эти деревни, что указаны в летописи, прошёл пешком. В селе Высоково жил Михаил Шолин, хоть и работал на радиоузле, но по столярному делу мастер был. Свой дом он отделал так, что терем вышел. А его плотницкие секреты я записывал аж целый день. В находящейся недалеко отсюда деревне Булдырицы с упоением слушал, как играли на гармониях отец и сын Шабаеты – Алексей и Иван. Покажите мне сегодня деревню, где гармонь звучит, где топором вырубает наличники! А какого самобытного таланта был плотник Румянцев в Высокове! Он и печник, и жестянщик. Когда я писал книгу о секретах печников, которые не только борисоглебским помещикам клали печи и лежанки, но и генералам, дворянам и царским сановникам в Питере – красочные камини, то Румянцев был у меня экспертом. Высокого класса печник жил в деревне Старово, она тут, рядом с Ременниками, стояла... Не знаю жива ли она и жив ли сам неподражаемый Николай Сергеевич Мошков!? Он ведь и гончаром был, и гармонистом. При мне мастерил для детишек из глины свистульки. Я говорил пацанам: учитесь у дяди Николая свистульки делать, посуду обжигать, а те лишь презрительно улыбались. Хорошо, что я секреты его записал. Может, на старости лет сам займусь гончарным делом. А какая у него болгарская печь стояла в доме! Она из диких камней сложена. Три дня тепло держала. По его рассказам, в их округе было несколько кирпичных заводов – в деревнях Веселово, Петровка, Деревеньки. Завод в Деревеньках, где он работал, закрыли в 1978 году. Отец у него Сергей Васильевич человеком верующим был, всё мечтал дожить, когда церковь начнут восстанавливать... Кстати, а не церковь ли это погоста Никольского, о которой речь идёт в летописи?

– Она-она, наверняка, – согласно кивнул головой Валерий Николаевич. – Мошков мне тоже про неё говорил. А в Высокове я от Шолена слышал, что пора бы и их храм восстанавливать. Не дожили мужики. А мы вот дожили, а нет ни сил, ни здоровья.

– Валерий Николаевич, а вам не доводилось слышать от земляков, от отца, от того же Шолена или Мошкова, о судьбе ваших местных священников? – задал я вопрос, намереваясь вернуться к летописи, в которой были пофамильно указаны священники из местных приходов, участвующие в строительстве церкви погоста Никольский.

– Слышал про иеромонаха из села Закедые Задворново. Он и родился в нашем районе в урочище Хотеново. Расстреляли его в 1937 году на Бутовском полигоне, кажется, по обвинению в контрреволюции. Священника из села Вошажниково Поройкова сгноили в лагере.

– Про тех, кто служил в храме на погосте Никольском, ничего, значит, не известно?

– О них я ничего не знаю.

– Жаль. Я в архивах тоже ничего не нашёл. Лишь порывшись в своих записных книжках, которые вёл в бытность свою журналистом, когда ходил по вашим деревням, нашёл кое-какую информацию. Много сведений про историю местных церквей мне удалось добыть из встреч с жителями деревни Бечмерово Геннадием Николаевичем Калининым и Василием Павловичем Комоловым. Дома их хранили старинные иконы, как доставшиеся по наследству от старших по роду, так и подобранные из разорённых храмов. В деревне Старово я любил беседовать с весьма образованным стариком, его звали Винокуров Иван Абрамович. Много поучительного и полезного из здешней истории он рассказал. И не просто говорил, а постоянно залезал в толстые церковные книги и журналы, коих у него была полная библиотека. Интересно, где эти книги сейчас, сохранились ли? Я тогда понимал, что они бесценны... И когда ко мне приехала археологическая экспедиция из Ярославского университета с учёными-историками Савостьяновой и Козляковым, ищущими древнерусские книги, то я их к нему направил. Так вот, Винокуров мне рассказал про трагическую судьбу иеромонаха Мардария из вашей деревни Деревеньки. Будучи аскетом, он жил в келье, переоборудованной из бани. Его расстреляли в 1938 году. В книге у меня есть любопытная запись о старосте церкви погоста Никольского Семёне Васильеве. Он благословлял какого-то сельчанина и даже одного из родственников, уходящих, как говорил Винокуров,

“воевать за сербов-братушек” в Сербию. В летописи фамилия этого старосты упомянута.

— Там и про других старост написано.

— Мне интересны те, что связаны были с церковью погоста Никольский. Попадись мне летопись в то время, когда я беседовал в деревне Старово с Винокуровым, то наверняка стал бы разыскивать по архивам любую информацию о том же старосте Васильеве или о детях тех крестьянских семей, что указаны в летописи, которые ушли на Крымскую войну и на Балканскую и не вернулись домой. Одного из крестьян, отправивших сына на войну с турками, знала бабушка Кукуева из деревни Труфанцево. Его звали Дмитрий Феофанович Орлов. Он был жителем деревни Русиново, прихожанином церкви погоста Никольский и тоже упомянут в летописи как жертвователь. Про род Орловых слышал от стариков и другой житель деревни Труфанцево — Крыльцов Валентин Иванович. Так как он был пастухом и заядлым охотником, то я любил поговорить с ним о повадках животных, о значении экологии как науки.

В открытой летописи я прочёл вслух не только имена всех старост, но и крестьян, оказавших неоценимую материальную помощь в строительстве новой церкви. Как только прихожане взялись за строительство храма, они пригласили, как написано в летописи, “добросовестного мастера, ростовского мещанина Владимира Лаврентьевича Никольского, с которым и заключено было условие по представленному им плану сделать иконостас и написать иконы со всеми необходимыми для Святого алтаря принадлежностями за 4000 рублей”. В ходе работы появилось немало помощников и дарителей. Двое крестьян пожертвовали по 100 рублей. Это Александр Дементьев из деревни Поповское Переславцевского прихода и Григорий Алексеевич Воронин из деревни Кондаково Кондаковского прихода. Из местных прихожан более всех отличился крестьянин деревни Русиново Дмитрий Феофанович Орлов. Про него сказано чуть больше обычного, например, то, что у него было некоторое “чувство виноватости” перед старым храмом, где старостой был его отец Феофан Лукьянович, и он отдал на новое строительство аж 600 рублей.

Освящение построенной церкви состоялось 7 мая 1879 года. Летопись перечисляет всех священников, принявших участие в этом религиозном действе, — это местный благочинный, священник церкви погоста Дмитриевского Стефан Грандилевский, местный священник Николай Дебольский, священник села Савинское Николай Соколов, священник села Зубарево Александр Раевский, священник села Зачатье Василий Дебольский, священник села Давыдово Николай Раевский с дьяконом погоста Дмитриевского Аксентием Викторовым. Мне неизвестна их судьба. Может, в архивах и лежат некие документы, проливающие свет на их жизнь. Тем более в летописи сказано, какого невероятного дарования были и здешние иконописцы, и плотники, устраивавшие в паперти три двери, и кузнецы с каменщиками, обносившие церковь живописной оградой.

Для меня, краеведа, увлечённого изучением истории малой родины, не существовало и не существует малозначительных событий. Если бы в мои руки попала летопись в то время, когда я общался с Винокуровым и Кукуевой, то я бы выведал у них всё, что они знали о церкви погоста Никольский. Спросил бы даже о том, например, каким образом устанавливались на колокольне семь колоколов, один из которых весил 148 пудов. Или почему старый пруд, дающий сыроту церкви, как написал священник, не был при новом строительстве закопан или перенесён в другое место. Но главный упор в нашей беседе я бы сделал на то, чтобы узнать имена других жителей сёл и деревень, которые могли бы вместе со мной расшифровать многие тайны недавно найденной рукописи. По крайней мере, они могли рассказать о тех, кто служил здесь в 1819 году, — о священнике Тихоне Петрове, дьячке Андрее Петрове, пономаре Василии Михайлове. И уж тем более о последних служителях храма, отнесённых в летописи к 1875 году, — о священнике Николае Дебольском, псаломщике Александре Андреевиче Высоцком, причётнике Иване Рыльском. Сегодня я мог лишь сожалеть вместе со своими собеседниками об упущенных возможностях.

Любители старинных историй могут и в настоящее время пройти по следам летописи и узнать много интересного. Кто были эти люди, для которых построенный на их деньги храм стал основой нравственной и духовной жизни? Неважно, были жители деревень значительными или простыми гражданами,

главное — понять их, оживить их судьбы. Мы не лучше, не умнее, не талантливее их, мы их наследники. Значит, нам наследовать их традиции, слабые и сильные стороны, черты характера. Русский человек — творческий, добродушный, силён патриотизмом и для него чрезвычайно важны достижения и успехи предков. Древние летописи и книги учат нас умению восхищаться ими, но, к сожалению, не всегда умению следовать им.

Первым свидетелем уничтожения и переписывания древнерусских летописей и их защитником был известный русский академик Михаил Ломоносов. Именно он воевал в открытую с немецкими историками, такими, как Шлецер, заполонившими русскую академию и активно уничтожавшими русские летописи ради того, чтобы представить и миру, и самой России иную интерпретацию русской истории. Общеизвестно, как императрица Екатерина Вторая запрячала Ломоносову писать историю Российского государства, говоря, что её может писать только Вольтер. По сей день русские учёные считают трагедией уничтожение Иоакимовской летописи, которую спас историк Татищев. И какой подвиг совершил граф Мусин-Пушкин, нашедший и опубликовавший “Слово о полку Игореве...”! И как перевернули мир и представления о России находки берестяных грамот академиком Валентином Яниным в Новгороде! Первая сенсационная новгородская археологическая находка состоялась 26 июля 1956 года. Затем берестяные свитки обнаружались в десяти городах — Москве, Смоленске, Старой Руссе и других. Но в 2000 году во время раскопок в Новгороде академик Янин совершил ещё один научный подвиг, предъявив миру три деревянные дощечки — церы, образующие триптих. То была “Новгородская псалтирь на церах”. Ранее древнейшим памятником письменности у нас считалось Евангелие, написанное в 1056–1057 годах для посадника Остромира. А эта псалтирь на церах на 50 лет древнее.

Потрясения от подобных находок испытали даже иностранные учёные. Одна шведская газета писала по поводу находок новгородских берестяных грамот XI–XV веков: “Когда наши предки высекали на камне руны, славяне уже писали друг другу письма”.

Летописные фразы, которые я читал только что вместе со своими собеседниками, изложены не на самом древнем русском языке. Точный их смысл понятен. Они требуют лишь добротного исторического и языковедческого анализа, архивного поиска и краеведческого исследования.

Уловив ход моих мыслей, Валерий Николаевич обратился ко мне с предложением. При этом он, поджав побитый инсультом рот, отвернулся, скрывая довольную улыбку.

— Надо же такому случиться — перед нами небольшая летопись, а как много она хранит интересных историй! Кстати, Анатолий Николаевич, вы вот вспомнили, как старожилы рассказывали о том, что житель деревни Русиново Дмитрий Орлов отправлял сына на Крымскую войну. А я знаю другого человека, у которого тоже сын воевал с турками и погиб на той кровопролитной войне, — это помещик села Высоково Мезенцов. Его звали Пётр. Он не вернулся домой, погиб в бою за Севастополь, кажется, в 1855 году. Так как тело погибшего не удалось привезти на родину в Высоково, то решено было увековечить память о герое путём сооружения оригинальной надвратной арки, которая располагалась при входе на кладбище. Её строили местные мастера. Помещик Павел Мезенцов привёз из Крыма шинель и фуражку сына и замуровал их в эту самую арку. Когда мой отец был председателем Высоковского сельсовета, то следил за её состоянием, ремонтировал, покрыл оцинкованным железом, красил. Даже церковь оградил. Помню, как мы, мальчишки, обрисовывали мелом буквы на мемориальной доске, чтобы видна была надпись. Сегодня совсем не разберёшь, что на ней написано, да и сами школьники ничего уже не знают про Петра Мезенцова. Сама арка в плачевном состоянии, того и гляди, рухнет на головы людей. Она вся в трещинах, кирпич из-за старости раскрошился.

— Почему же её не отреставрируют? — удивлённо спрашиваю я.

— Сам удивляюсь. В какие только инстанции я не обращался, а толку нет — никому арка не нужна. Видимо, не нужна и память об участнике героической обороны Севастополя Петре Мезенцове, погибшем вместе с адмиралом Корниловым. Будучи близким другом у этого известного адмирала, Пётр был поручителем на его свадьбе. Я обращался за поддержкой даже в прокуратуру, чтобы сохранить историческую ценность. Пусть нельзя арку

полностью реконструировать, но оставить хотя бы боковые столбы, убрать верх. И в первую очередь, спасти правую тумбу арки, где хранились шинель и фуражка. Из прокуратуры пришёл ответ, что сей памятник на балансе сельсовета не стоит. В этой ситуации председатель сельсовета Мазнина отказалась от ремонта. Но у неё денег не нашлось даже на сохранение памятника воинам-землякам, погибшим в Великую Отечественную войну, и памятник недавно вдруг исчез.

— Люди ругают власть за то, что памятник снесли, — поддержал земляка Игорь Аркадьевич. — Стоял солдат в парке, ждал реставрации и не дождался. А историческую арку, хранящую память о нашем земляке, участнике обороны Севастополя, я тоже помню. В школьные годы не раз бывал у неё. Это подлинный символ героизма русского воинства. И хоть шинель там, кажется, истлела, восстановить арку следует. И деньги на это небольшие нужны.

— Придётся бросить клич среди краеведов и собрать средства на её реставрацию. Нельзя допустить, чтобы следы истории исчезли навсегда.

Вспомнив про помещика Мезенцова, Валерий Николаевич решил поведать нам историю его пребывания в селе Высоково, пересказанную ещё в юности отцом и директором школы Варгуниным. Усадебный дом, в котором по сей день находится школа, достался ему от дворян Уваровых. Преуспев в хозяйственных делах и землеустройстве, он оставил после себя детям четыре господских каменных флигеля, маслобойный завод, скотные дворы, две водяные мельницы, торговые ряды, колодцы, два пруда и яблоневый сад. Вдоль усадьбы была посажена липовая роща. Из родниковой воды был сооружён каскад плотин, образующий два шикарных пруда, один из которых имел плавучий остров. Крестьяне часто наблюдали, как помещик с семьёй плавал на лодках по пруду, ловил рыбу, а на плавающем острове распивал с гостями чай. В семье помещика воспитывалось девять детей. Многие из них внесли весомый вклад в развитие как области, так и России. Например, Николай Мезенцов работал ярославским вице-губернатором. Валериан Мезенцов был кадровым военным и даже одно время комендантом крепости города Владикавказа. Про Петра Мезенцова, ставшего героем обороны Севастополя, написано даже в книгах. Любимая дочь помещика Александра выбрала духовный путь и стала игуменьей монастыря в городе Кашине. Похоронен глава семейства Павел Петрович в возрасте 49 лет в 1819 году возле Казанской церкви в селе Высоково.

От нового рассказа Валерия Николаевича голова пошла кругом. Такое маленькое, затерявшееся среди лесов село Высоково с полуживыми малодворными деревушками в окрестности, а какая богатая история! И такой значительный вклад их жители внесли в строительство Российского государства! Вот о чём в книгах должны писать местные писатели и на каких примерах воспитывать подрастающее поколение наши школы, библиотеки, музеи и институты!

Валерий Николаевич вознамерился рассказать нам ещё про одного знатного человека из села Высоково — про купца Михаила Ивановича Чирушина. Его усадебный дом также сохранился. В нём размещается центр социального обслуживания “Лада”. Была в запасе у него и история про земляка Варгунина, имевшего свою фабрику в Питере... Однако нам пора было уезжать.

— Эх, вы, гости дорогие, я вам ещё про своего знатного прадеда не рассказал, а вы уже в дорогу собрались, — опечалился хозяин дома, услышав про наши намерения.

— Чем же известен твой прадед? — не удержался и задал вопрос я, опять присев на стул.

— Звали его Исай Данилович. Я всю родословную поднял, изучил. Отец у него был Данила Васильевич. Дом прадеда стоял аккуратно напротив вот этого нашего дома. Он сгорел. Со слов отца знаю, что Исай был устроен в Питере мальчиком на побегушках к известному во всем мире водочному королю Смирнову Петру Арсеньевичу. Правда, это сегодня марка водки “Смирновская” гремит на весь мир, а тогда выходец из деревни под Мышкином только разворачивал свой громадный бизнес. Смирнов ценил мальчика за прилежность, приставил к себе. Исай быстро возмужал, научился шустро работать, хорошо зарабатывать. Складывал, как говорится, копейку к копейке. А у Смирнова в то время была одна плохая страсть — он слепой любителем игры в карты. Однажды крепко проигрался. Исай выручил его, дал ему свои деньги, и тот рассчитался... В знак благодарности Смирнов выделил Исаю

кусок земли в Высокове, и тот занялся садоводством. Дело быстро пошло в гору. Прадед умудрился выращивать такие цветы, которые поставлялись аж в сам Зимний дворец в Петербурге. На садоводстве он заработал большие деньги. Стал вторым помещиком-барином в Высокове. Ездил на тарантасе, обшитом зелёным бархатом, в гости к барину Мезецову. Это был не просто тарантас или карета, а целое произведение искусства. Все жители деревни любовались, смотрели на него, когда он проезжал мимо. Его сын, а значит, мой дед, Александр Исаевич заразился болезнью Смирнова — стал играть в карты. И как-то раз проиграл корову. Моя бабушка Мария Михайловна Гнускина, родом из деревни Старово, бросилась отбивать корову с вилами. Перед революцией прадед свернул всё садоводство. Все деньги отдал на революцию и уехал жить сюда — в деревню Ременники.

— А тарантас, на котором он катался, случайно не сохранился? — вырвался у меня неожиданный вопрос.

— Случайно сохранился, — сверкнул весёлыми глазами хозяин дома. — Не весь, а полозья, обрывок бархата.

— И где это добро?

— В сарае у меня. Пойдём покажу.

Он провёл нас мимо полениц к дощатому сараю, открыл дверь и шустро нырнул в темноту. Вскоре вышел, держа в руках полозья от некогда роскошной кареты.

Я долго крутил их в руках, рассматривал, гладил ровную и довольно гладкую, начисто отутюженную поверхность дерева. То была, безусловно, весточка из прошлого века, даже позапрошлого. Напрягая воображение, можно было представить, какой красоты была карета, и как помещик, восседающий в ней, лихо нёсся по деревням и селам, погоняя резвую тройку лошадей. Но мы спешили... Хотелось ещё до темноты увидеть ту историческую арку в селе Высоково, которая хранила память о севастопольской обороне в Крымскую войну. К тому же помехой нам в осмотре стали пролетевшие над головами пчёлы.

— У вас есть пасека? — поинтересовался я.

— Держу немного домиков, — сказал, нахмутив брови, Валерий Николаевич. — Нынче что-то пчёлы массово гибнут. Пестициды в округе не разбрасывали, а они мрут. Наверное, виновата сотовая связь.

Мы пошли по дороге, петляющей по лугам, к машине. Непривычно бодрящий воздух наполнял мою грудь. Бревенчатые дома уже не казались незнакомыми. Прежнее очарование от этих новых мест исчезло.

Возле пруда с зарослями камышей нас остановила пожилая женщина в ситцевом платке и малиновой кофте.

— Игорь Аркадьевич, вы не узнаете меня? — спросила она.

Я невольно стал свидетелем неожиданной встречи двух бывших одноклассников.

У женщины было сильное подтянутое тело, гибкая походка, худощавое, смуглое от загара лицо. Серые глаза правдивы, чисты и ясны.

— Извините, не узнаю, — растерялся Игорь Аркадьевич.

— Как же так! — бросила она на него ласковый взгляд. — Мы в одном классе учились, рядом сидели в школе. Я — Анна Ивановна Фирсова, в девичестве Спицына.

— Аня! — радостно всплеснул руками Игорь Аркадьевич. — С трудом узнаю. Столько времени прошло...

— Я тут живу. Бригадиром работала...

Воспоминания одноклассников отняли у меня ещё минут двадцать. Я с удовольствием сфотографировал их, беседующих на фоне деревенского пруда, — весёлых и сияющих от счастья. Не зря говорят, любая дорога склоняет к воспоминаниям, заставляет размышлять.

В село Высоково мы приехали почти к вечеру.

Игорь Аркадьевич подвёл меня к исторической арке и показал место, где хранились шинель и фуражка героя обороны Севастополя, друга адмирала Корнилова, уроженца села Высоково Петра Мезенцова. Арка производила грустное впечатление, так как находилась в руинном состоянии. Вокруг росли деревья и кустарники, будто пряча и загораживая собой знаковую реликвию. Я подумал, что деревья специально скрывают от глаз человека эту историческую арку, чтобы тот не сгорел от стыда за беспамятство и равнодушие. Перекрестился, помолился об усопшем герое, поблагодарил Игоря Аркадьевича за

то, что он, проведя со мной целый день, оказался в нашем путешествии интересным собеседником, и уехал в родной Борисоглебск.

Через день я поехал на встречу с разрушенной церковью погоста Никольский. Не усидел дома. Прочтённая летопись с её большими и малыми тайнами вновь позвала в дорогу.

На взгорке возвышались разрушенные стены знакомого одинокого храма с колокольной. Перекрестившись и войдя внутрь помещения, я был мгновенно остановлен пронизывающим суровым взглядом святого Николы Чудотворца. Фреска с его образом наполовину была повреждена непогодой. Пострадали не только фигура, но и лицо святого. Ещё год дождей и снега – и образ полностью осыплется, и стена станет голой.

Не успел я осмотреться в храме, поразмышлять, посокрушаться об увиденном, как на улице раздался рёв мотоциклов.

Два молодых парня, не сходя с техники на землю, упорно и с недоверием рассматривали меня. Я, в свою очередь, с подозрением смотрел на них.

– Откуда вы, ребята? – спросил я.

– Мы местные, – хитро переглядываясь, чуть ли не в один голос, ответили они.

– Чем занимаетесь? Какой интерес привёл вас к этому храму?

– Катаемся, – сказал тот, что постарше. – Храм нас не интересует. Мы просто коротаем время до вечера. А вечером у нас дискотека в Высокове.

– Если вас храм не интересует, то он так и будет стоять разрушенным. Неужели некому его возродить?

– А кому он нужен?

– Вам, молодым... Ведь вы будущие хозяева этой земли.

– Нам тут ничего не нужно. Мы уедем отсюда.

– Неужели история никого не интересует?

– Есть один – Михаил Власов. Он в Высокове в Доме культуры работает. Вам к нему надо идти... Он занимается фотографией, краеведением, стихи читает.

Я попросился с парнями и пошёл прогуляться по окрестным опушкам и лугам. Впервые пожалел, что приехал сюда... Разговор со школьниками оставил грустное впечатление. Пусть он и был коротким, поверхностным, но надежды на то, что у заросшей сорняками земли появится заботливый хозяин и эта разрушенная церковь будет когда-то восстановлена, он не оставил. Я искал оправдания для ребят, не желающих впрягаться в тяжёлый крестьянский труд и жить среди разрухи, но мысль о том, что какой-то хозяин у здешней земли должен быть, бередила душу. Вспомнил про упомянутого мотоциклистами Михаила Власова – и чуток полегчало. К тому же он не один в поле воин, есть ещё Валерий Лапин. Найдутся и другие подвижники, неравнодушные к истории малой родины деревенские люди, и зажгут огонёк возрождения. Помнится, как оптимистично писал в своё время писатель Алексей Толстой, что если в России останется одна деревня, а в ней один русский мужик, то Россия всё равно возродится.

Пройдя вокруг брошенной церкви большой круг, я присел на поваленное дерево и стал наблюдать, как сумерки медленно и безмолвно наползали на притихшую землю и колокольную. Думалось об одном: так хочется дожить до того времени, когда восстановится храм, ставший моему сердцу родным, и в него вернётся старая потрёпанная летопись!